

с нею появлялся. Не могу, к сожалению сказать, когда их брак был освящен в церкви, но в трех метрических книгах Кафедрального собора о рождении детей в одно и то же время появилась запись — "определением Одесского окружного суда от 21 сентября 1904 года узаконен (либо "узаконена" в случае дочери Валентины. — прим. М. Б.) дворянином Василием Васильевичем Навроцким и законной (подчеркнуто мною. — М. Б.) его Софией Матвеевной, урожденной Суторминой".

Отсюда легко найти ответ на наш вопрос: в карете сидит София Матвеевна Сутормина, будущая супруга В. Навроцкого, их дочь Валентина и один из сыновей — Константин или Василий. Я склонен считать, что это младший сын Василий...

Вот к какому итогу привело чрезмерное любопытство при изучении ушедшего прошлого. Остается выразить сердечную благодарность сотруднику ГАОО старшему научному сотруднику Татьяне Евгеньевне Волковой за бескорыстную помощь в поиске необходимых документов о семейных делах В.В. Навроцкого.

Продолжаем серию публикаций, посвященных традициям градостроительства, архитектуры, риэлторства Одессы и связанным с ними ретроспективным общественным бытом. Незменный спонсор рубрики — агентство недвижимости "Капитал", давно и плодотворно работающее на отечественном рынке недвижимости. Предлагаемый вниманию читателей сюжет касается небезынтересной во многих отношениях истории одного из самых старых особняков Приморского бульвара.

Предыстория

Как свидетельствуют результаты археологических исследований, проведенных на территории современного Приморского бульвара в последние годы, и ряд случайных находок, сделанных в ходе строительных и хозяйственных работ разных лет, здесь не позднее середины VI века до нашей эры уже существовало древнегреческое поселение. Его жители занимались земледелием и рыболовством. Различные населенные пункты возникали и хирели тут в разные эпохи: итальянская якорная стоянка Джинестра, татарский и польско-литовский Качибей, турецкий Ходжабей (Ходжабай) и др. Последним был татарский Хаджибей с турецкой крепостью Ени-Дунья, остатки одной из башен которой недавно обнаружены археологами Южноукраинского педагогического университета под руководством доктора исторических наук, профессора А.О. Добролюбского, на бровке приморского плато близ Воронцовского дворца. Крепость, вероятно, занимала и территорию двух-трех примыкающих к дворцу домов, №№ 1-3. На месте же самого дворца, несколько дальше от обрыва, находилось сравнительно большое здание турецкой еще постройки, возможно, резиденция начальствующего двухбунчужного бея — Ахмет-паши.

Большая же часть нынешнего Приморского бульвара, включая площадь интересующего нас здания, в самые первые десятилетия истории Одессы не застраивалась. Правда, некоторое время в этом районе просуществовали воинские казармы, лазарет, солдатская пекарня и "особый дом, в котором в первые годы основания Одессы помещалась полковая церковь" (снесены в 1820-1821 гг., тогда же разобраны частично сохранив-

шиеся руины турецкой крепости и недостроенная церковь Святой Екатерины на одноименной площади). В 1798 году известный гидрограф, участник экспедиции Джеймса Кука Джозеф Биллингс, состоя на российской службе, производил "опись" берегам Одесского залива и зарисовал вид Одессы со стороны моря. Комментируя эту уникальную "картинку" младенчества города, "Геродот Новороссийского края" А.А. Скальковский пишет: "На месте теперешнего Николаевского бульвара была пустыня с обваливающимися берегами. Впрочем, еще долго и после 1798 года Николаевский бульвар служил местом свалки мусора, почти до самых 30-х годов текущего (то есть XIX. — О. Г.) столетия".

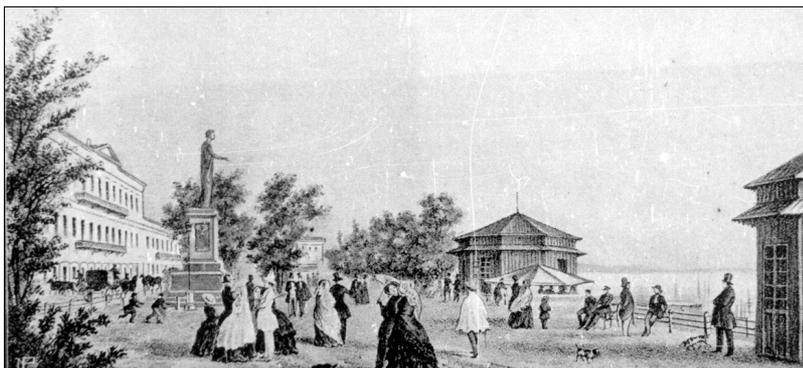
В 1821 году инженер-полковник (впоследствии генерал-майор) Карл Иванович (Шарль Мишель) Потье (1785 или 1783 — 1855) и подчиненные ему военные инженеры спроектировали будущий Приморский бульвар, длина которого была определена в 250 сажений. В следующем, 1822, году ("Высочайше утвержденный план устройства бульвара" датируется 24 августа 1822 года) эта стихийно возникшая и регулярно пополнявшаяся городская свалка была убрана, территория расчищена и выровнена по нивелиру (военный инженер М.Н. Бугайский). В 1822-1824 годах садовник Ганс Герман впервые высадил здесь 454 дерева, выращенные им же на городской плантации, учрежденной герцогом де Ришелье в 1812 году. Три аллеи бульвара утрамбовали, покрыли слоем щебня, а затем засыпали доставленным из Люстдорфа песком и гравием. Тротуары вымостили ракушечником-дикарем, а всю территорию бульвара оградил окрашенными зеленой краской деревянными перилами (военный инженер Ж.В. Гаюи). Впрочем, экономный подрядчик И. Потапов и другие лица иногда не совсем исправно исполняли взятые на себя обязательства: чахлые на первых порах древесные насаждения в зеленых "клетках", вмонтированные в неровную известняковую мозаику тротуаров и мостовых, не слишком привлекали по горло занятых разнообразными делами горожан. Подлинная жизнь пришла сюда вместе с новым генерал-губернатором Новороссийского края и полномочным наместником Бессарабской области графом М.С. Воронцовым. В связи с постройкой дворцового комплекса военный инженер Ф. Шаль корректировал планировку бульвара.

Воронцов выступал здесь не только как "главный начальник", но и как человек лично заинтересованный. Дело в том, что еще в 1820 году он приобрел у помещика Николая Куликовского небольшой двухэтажный дом, магазины (склады) и сад на оконечности будущего бульвара, над Военной балкой, на базе которого впоследствии устроил свою дворцовую

усадьбу. По приезде в Одессу Воронцов задумал сформировать здесь аристократический центр города, подобие бульварам европейских столиц, а потому тотчас же подхватил развернутую его предшественником, графом А.Ф. Ланжероном, кампанию по сбору средств на памятник герцогу де Ришелье. Воронцов тотчас же сообразил, где его надо установить, в какой "пейзаж" вписать, и во что это может вылиться. В том же 1823 году он написал И.П. Мартосу, а 9 января 1824-го скульптор-академик в общих чертах обрисовал задуманную статую, технологию исполнения, бюджет и пр. Проект Воронцова вызвал искреннее сочувствие местной элиты: дальновидные одесситы сообразили, сколь выгодным предприятием может обернуться владение недвижимостью именно в этом, на первый взгляд диком приморском уголке, "на отшибе". Именно тогда здесь и развернулось стремительное по тем временам строительство первых бульварных "палаццо": в 1823 году — будущих домов №№ 4, 5, 10, в 1824-м — дома № 3, в 1826-м — №№ 1 и 6, в 1827-м — №№ 11 и 13 и т. д.

Приморский бульвар задумывался графом Воронцовым и как центр общественный. Так называемые полуциркульные здания, как и сама идея миниатюрной площади, доминантой которой должен был стать монумент Дюку, также принадлежит Михаилу Семеновичу. А.И. Мельников и Ф.К. Боффо фактически лишь оформили ее надлежащим образом. В 1828 году памятник герцогу де Ришелье был открыт. К этому времени полностью оформилась и дворцовая усадьба Воронцовых, были построены бульварные дома №№ 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13, начал строиться дом № 15. В 1829 году развернулось сооружение старой биржи. В 1830-м завершено строительство дома № 9 (который обычно именуют дворцом). В начале 1830-х Ф.К. Боффо вносит изменения в архитектурный облик левого полуциркульного здания № 8, которое от чиновника Завацкого (Завацкого) переходит к новому владельцу, известному в Одессе французскому портному Верелю, и перелицовывается в одну из самых фешенебельных в городе гостиниц — "Петербургскую" (1832). В "Городском доме" № 7 надолго прописываются "присутственные места", то есть различные городские учреждения (в первую очередь — "судебные установления", Дума, Городская управа), отчего здание это получает имя собственное — Присутственные Места. Короче говоря, уже к 1830-му идеи М.С. Воронцова были в значительной степени реализованы. А после ввода в эксплуатацию знаменитой Бульварной (Потемкинской) лестницы Приморский бульвар сделался поистине одесским олимпом.

Подле Воронцова построился граф А. Потоцкий, от которого дом

перешел к Маразли, за ним — пушкинский знакомец граф Л.А. Нарышкин, от которого дом перешел к князю В.С. Голицыну, а далее — к новороссийскому генерал-губернатору графу А.Г. Строганову. Далее располагались дома Варвары Столыпиной, одного из ближайших сотрудников Воронцова — П.Я. Марини (интересующий нас дом № 3), крупных итальянских негодантов Сарато и Верани (впоследствии Вассалья), генерала Брозина (после — авторитетного купца Порро), капитана над Одесским портом Е.В. Зонтага (братьев Стифель, потом — Суппичич) и два полуциркульных здания. Дом № 9 ("дворец") изначально принадлежал помещику, отставному офицеру Р. Шидловскому, затем перешел к княгине М.А. Нарышкиной, урожденной княжне Четвертинской, а позднее приобретен правительством "для жительства генерал-губернатора". Впритык к этому стоял дом одного из крупнейших греческих экспортеров — Ф. Родоканакиса, за ним — дом князя П. Лопухина (затем принадлежал знаменитому ресторатору и устроителю "Лондонской" гостиницы Ж. Каруте, а за ним — греческому миллионеру С.И. Ралли). Далее стояли дома П. Ризо (после него — статского советника Золотарева, далее — Абазы, а потом — банкира барона Массы), адъютанта Воронцова, действительного статского советника А.И. Маюрова (впоследствии — банкира Ефруси), польского магната Тростянского (тоже отошел к Ефруси) и, наконец, дом негоданта Фуко (затем — таможенника Деллавоса, почетного гражданина Я. Гари и далее — Росси). Как видим, между "верховой властью" (резиденция Воронцова) и "главным колесом одесской телеги" (биржа) стояли плечом к плечу все ее олицетворенные авторитеты плюс регулирующий механизм (Присутственные Места, городская администрация).

После сдачи в эксплуатацию Бульварной лестницы и отсыпки "вися-

чих садов" на склонах бульвар сделался излюбленным местом гуляний горожан. Здесь регулярно выступали военные оркестры, филармонические группы из Тироля, устраивались фейерверки, цирковые выступления, здесь были превосходно оборудованные буфеты и летние кафе. Сюда устремлялись приезжие, причем степные помещики и помещицы специально являлись на бульвар, чтобы продемонстрировать породистых лошадей и блестящие экипажи, а заодно — самих себя.

Дом № 3

А теперь перейдем непосредственно к биографии дома № 3. В "Паспорте памятника градостроительства и архитектуры", подписанном как бы компетентными чиновниками, указано, что этот жилой дом построен в 1836-1840 гг. архитектором Ф.О. Моранди. Указание подобного рода иначе как невежественным не назовешь. В самом деле, ведь Франциск (Франц Осипович) Моранди в указанное время не был, и быть не мог в Одессе — он поступил в здешнюю службу только в 1845 году. Кроме того, этот дом числится в самых разнообразных и достоверных исторических первоисточниках, по крайней мере, на десять лет раньше! Допускаю, однако, что Моранди может иметь отношение к одной из последующих перестроек или перепланировок этого дома. Такое допущение косвенно подтверждается тем, что он, например, в 1872 году перестраивал бульварный дом № 12, принадлежавший известному банкиру — барону Массу. Он же строил дворец и манеж Массы на углу Воронцовского переулка и Екатерининской площади (1850 г.). Впрочем, все это из области предположений и допущений. Зато наверняка известно, кто конкретно был строителем интересующего нас дома и кто его впоследствии перестраивал. "Наш дом" спроектировал и соорудил один из самых ярких первостроителей города, небезызвестный Джованни Фраполли, блестящий итальянский зодчий, брат Франциско Фраполли! Деятельность братьев подробно описана в очерке "Дом Фраполли".

Здесь заметим только, что Джованни Фраполли построил и массу частных домов: Сальвадора (1817), Трохина (1818), Ващенко (1819), Доброденского (1820), Кузнецова (1820), Бутылина (1821), Соколовского (1821), Бартеневой (1821), Записошного (1822), Андона (1825), Кумбари (1825), Калабина (1826) и целый ряд других. Хотя большая часть построенных Фраполли зданий и сооружений не сохранилась (эти скромные, строгие функциональные дома впоследствии были застроены более

масштабными и помпезными зданиями), но и сохранившиеся превосходно иллюстрируют мастерство великого итальянца. Это, например, дом Кирьяковых (1821) на пересечении Коблевской и Дворянской — мемориальное пушкинское место, упоминавшийся обширный дом Кумбари, на углу Екатерининской и Полицейской, доходный дом на улице Елисаветинской, № 1 (1824, позднее перестраивался), дома на Александровском проспекте, № 45 и Ришельевской, № 76, дом Илькевича, на Дерибасовской, № 3 (1820-е) — один из интереснейших памятников градостроительства.

Дом на будущей Бульварной улице, № 3 был заложен одним из первых среди бульварных особняков, в 1824 году. То есть Д. Фраполли развернул строительство "нашего дома" еще в бытность Пушкина в Одессе. Весьма и весьма примечательна и фигура заказчика-домовладельца. Отлично известный в одесской пушкинистике тайный советник Павел Яковлевич Марини (1798-1849) вполне заслуживает хотя бы краткого биографического очерка. О нем можно порассказать немало любопытного. Марини — побочный сын министра внутренних дел, председателя Государственного совета и Комитета министров, государственного канцлера по делам внутреннего гражданского управления, князя В.П. Кочубея. В мемуарах Михаила Феликсовича Дерибаса, племянника основателя Одессы, общаются настолько пикантные биографические подробности о матери П.Я. Марини, что они могли бы, пожалуй, послужить канвой нового сериала об Анжелике. Так, он пишет о том, что неаполитанский посланник в Константинополе, граф Людольф, жил на средства, которые ему доставляла "одна преинтересная женщина", "молодая и красивая вдовушка одного старика, секретаря посольства, кавалера Марини". Была она, по его словам, дочерью какого-то лакея при посольстве, прижилась в покоях гра-

фа, а затем ее выдали замуж за 70-летнего секретаря, скончавшегося вскоре после свадьбы. Юная Марини содержала Людольфа, занимаясь рукоделием и еще Бог знает чем, отказывала себе во всем. На ее счастье, в положение вошла неаполитанская королева Каролина, и по настоянию августейшей патронессы граф взял соломенную вдовушку в жены.

Сын госпожи Марини от Кочубея получил блестящее образование и поступил в штат новороссийского генерал-губернатора и бессарабского полномочного наместника графа М.С. Воронцова. Здесь Павел Яковлевич занимал весьма престижные посты, в частности — управляющего дипломатической канцелярией графа. То есть если называть вещи по именам, то он фактически был непосредственным начальником Пушкина. Впрочем, ввиду полного и безоговорочного манкирования последним своими служебными обязанностями, встречались и общались они большею частью как раз не в канцелярии, а в салоне Е.К. Воронцовой, на прочих светских раутах или "присутствиях", от которых просто невозможно было отказаться. В Одессе Марини очень выгодно женился — на дочери того самого Франческо (Франциско, Франца) Фраполли, Виктории Францевне, в домах, построенных по проекту которого, он волею судьбы впоследствии и обитал. Солидный капитал был нажит Франческо и его братьями не только и не столько на проектировании зданий и сооружений, сколько на реализующих эти и другие проекты строительных подрядах.

Здесь следует разъяснить несколько моментов, частенько запутывающих ситуацию атрибуции принадлежавшей семейству Марини недвижимости, поскольку в разные годы они владели тремя домами, располагавшимися на Дерибасовской. Причем двумя из трех одновременно. Первый из этих домов, № 13, изначально был построен самим Франческо Фраполли (1804 г.), а затем перестроен его вдовой, Марией Фраполли, по проекту небезызвестного Ф.К. Боффо (1828 г.). Довольно долго им владела вдова архитектора, а в исторических документах он фигурирует как "дом Марии Фраполли" либо просто "дом Фраполли". И только в первой половине 1860-х годов этот дом получил имя своей новой владелицы, В.Ф. Марини, то есть дочери Марии Фраполли.

Другой дом, по улице Дерибасовской, № 29 (есть сведения, что в 1830-х годах его частично перестраивал Г.И. Торичелли), владельцем которого до самой своей кончины был непосредственно П.Я. Марини. Через семь лет после смерти супруга Виктория Францевна Марини продала этот дом фабриканту Карлу Гаазу и приобрела другой, на той же улице, более престижный дом Гальберштама, № 21, впоследствии — дом Тру-

шевского, а затем — Хакаловского (где ныне интенсивно строится торговый центр). Точно так же "наш дом" на бульваре, № 3, построенный ближайшим родственником супруги Марини в 1824-1826 годах, после кончины домовладельца остался за неутешной вдовой.

Дом возведен в стиле классицизма из камня-ракушечника и оштукатурен. Созвучен соседним, №№ 2 и 4, двухэтажный, на высоком цоколе, что, кстати, вообще характерно для домов солидных горожан той эпохи (поглядите на характерный, типологический даже дом Фундукля — на перекрестке Херсонской и Торговой). Такие цокольные этажи с лучковыми и полуциркульными сводами, как правило, сдавались под всевозможные заведения и складские помещения, но в данном случае подвал, конечно, использовался как хранилище продовольствия, в том числе — коллекционных вин. Со стороны двора к зданию примыкала остекленная деревянная галерея и два Г-образных флигеля, к которым подъезжали со стороны Воронцовского переулка. Бульварный фасад дома на первом этаже рустован, а на втором — расчленен пилястрами коринфского ордера и освежен вставками с рельефным орнаментом. Главное крыльцо украшено узорчатым козырьком, над которым нависает балкон на кронштейнах с кованым металлическим ограждением. Ничего, казалось бы, выдающегося, но в целом строение производило величественное впечатление. Впрочем, внутреннее убранство особняка, как и соседних, как дворца Воронцова, поражало роскошью интерьеров, о чем будет сказано ниже.

А чем же, собственно, занимался домовладелец, Павел Яковлевич Марини, и его супруга, Виктория Францевна? Занятия их представляются весьма полезными и многообещающими для города и края. Помимо исполнения чиновничьих обязанностей Марини был членом совета Одесского института благородных девиц и других социально полезных институций. Как сообщается в историческом очерке, изданном к 100-летию Одессы местным муниципалитетом, *"...Князь Воронцов в 1844 году возобновил ходатайство об улучшении путей сообщения в Новороссийском крае, причем представил министру финансов составленный тайным советником Марини проект конно-железной дороги из Одессы через Ольвиополь и Кременчуг, с питательной ветвью на Балту"*. После положительного решения Николая I, который пожелал, чтобы дорога была пригодна и для паровозного сообщения, П.Я. Марини пригласил для составления нового проекта опытного бельгийского инженера Зюбера, а затем заключил соответствующие контракты с солидными зарубежными банкирами. Французская революция 1848 года и смерть Марини остановили осуществление этого пред-

приятия, которое было возобновлено значительно позднее и завершилось пуском в 1863 году железной дороги от Одессы до Балты. Что касается идеи конно-железного сообщения, то и оно было реализовано в пределах города, но только на рубеже 1870-1880-х годов. Немало дельных начинаний исходило от П.Я. Марини и в бытность его действительным членом Императорского общества сельского хозяйства Южной России.

После кончины мужа В.Ф. Марини целиком отдалась делу благотворительности и милосердия, много лет состояла членом правления Одесского женского благотворительного общества. В частности, исторические документы свидетельствуют о том, что "Мариинское отделение Городской больницы устроено в 1872 году на 100000 рублей, пожертвованных вдовой тайного советника Викторией Францевной Марини, урожденной Фраполли". Сто тысяч рублей... В ту эпоху это было целое состояние. В.Ф. Марини ушла из жизни в конце июля 1876 года.

Вообразите себе, какие персонажи региональной и отечественной истории перебивали в бульварном особняке, № 3! Воронцовы, Нарышкины, Гурьевы, Строгановы, Столыпины, Голицыны, Ахлестышевы, Гагарины, Потоцкие, Коцебу, Абаза, Исленьевы, Кортацци, Маразли... Назовите любую фамилию из окружения Воронцова и его преемников, любую значимую в городе персону — не ошибетесь. Долгие годы дом Марини был одним из значимых светских салонов, о здешних приемах, журфиксах, балах можно рассказывать бесконечно. Но, как говорится, всему приходит конец. В 1870-х "наш дом" принадлежал уже другому известному российскому дворянскому роду — Милорадовичам. Петр Михайлович Милорадович представлял Генеральный штаб в штате командующего войсками Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторства — генерал-адъютанта, генерала от инфантерии графа Павла Евстафьевича Коцебу. Впрочем, Милорадовичи были, можно сказать, временными гостями в "нашем доме". Вскоре он надолго отошел к поистине знаменитому не только в Одессе и крае, но и далеко за их пределами семейству крупнейших предпринимателей, банкиров и в то же время выдающихся благотворителей. Я говорю о роде Ашкенази (Ашкинази).

Банкирские дома Одессы известны буквально с первых дней ее существования. Изначально банковским промыслом занимались французы и итальянцы, затем греки, а далее — ашкеназийские (европейские) евреи, выходцы из города Броды в Галиции. Из еврейских банкирских контор наибольшим авторитетом пользовались представители семейств Ашкенази, Ефруси (в 1883 году Мориц Ефруси женился на дочери барона Рот-

шилда), Рафаловичей и Бродских. Однако нас в данный момент будут, конечно, интересовать только Ашкенази, владельцы "нашего дома".

Основатель торгового дома — Моисей (Мозес) Ашкенази — много лет занимался хлебным экспортом. Сама "контора" находилась в Могилеве-Подольском, откуда к черноморским берегам и текла подольская пшеница. Тут, как говорится, все были довольны: и производители, и транспортники, и просто горожане, получающие свою долю в виде отчислений от прибыли. На Подолье М. Ашкенази приехал из Европы еще молодым человеком и своей кипучей энергией, смекалкой, честностью и обязательностью в отношении с деловыми партнерами составил не только значительный капитал, но и авторитет. В 1864 году он основал отделение фирмы в Одессе, а в середине 1870-х передал руководство своему сыну — Евгению Моисеевичу. Отделение занималось операциями, связанными с закупкой и реализацией сельхозпродуктов, но параллельно выступало уже и как кредитное учреждение.

Когда одесское отделение фирмы встало на ноги, в приморский город перебрался и сам Моисей Ашкенази. Они работали рука об руку с сыном и достигли больших высот. По этой ли причине, или по какой другой, но Евгений обрел завидные родственные связи. Сейчас я попробую нарисовать это родственное древо, а читателя попрошу сконцентрировать внимание, дабы не заблудиться в его многочисленных ответвлениях.

Итак, представитель крупнейшего в империи банкирского дома Гораций Гинцбург женился на своей двоюродной сестре Анне Гесселевне Розенберг. Сам Гессель Розенберг был крупным предпринимателем в области переработки сахара. Многолетний сахарозаводчик отменно пристроил пятерых своих дочурок. Анна, как было сказано, вышла за Гинцбурга. Теофила — за Сигизмунда Варбурга, также крупного банкира. Роза — за легендарного фон Гирша. Розалия — за солидного будапештского финансиста Герцфельда. И, наконец, Луиза — за нашего родного, одесского, Евгения Моисеевича Ашкенази.

Но причем здесь Ротшильд? — напомнят мне. Не торопитесь, будет вам и Ротшильд.

У Горация Гинцбурга и Анны Розенберг родился сын Владимир, впоследствии женившийся на дочери известного сахарозаводчика Бродского. (Припоминаете сакраментальное: "Сахар — Бродского, чай — Высоцкого, Россия — Троцкого"? В Одессе прибавляли: "Шляпы — Скроцкого".) Сестра Горация Гинцбурга, Матильда, вышла замуж за племянника французского министра финансов П. Фульда. А вот одна из ее дочерей

и вступила в брак со знаменитым бароном Эдуардом Ротшильдом. (Между прочим, этот самый Ротшильд был безумно влюблен в первую красавицу Одессы Ариадну Папудову, которой подарил особняк маркизов де Саган на Елисейских полях.)

Теперь желающие могут точно нарисовать себе всю картину родственных связей одесского банкира — представителя настоящей финансовой империи. К этому остается прибавить, что Мозес Ашкенази ушел из жизни в 1887-м, на 76 году от роду. Ненадолго пережил его и сын Евгений, скончавшийся в 1890 году. Оба, что небезынтересно, были погребены на Старом христианском кладбище. Все дело перешло к внуку основателя фирмы, Зигфриду Евгеньевичу, который на исходе XIX столетия значительно его расширил, кредитовал крупные экспортные операции, различные коммерческие и промышленные предприятия. З.Е. Ашкенази продолжал заниматься хлебным экспортом и кредитно-банковскими операциями. Обе его конторы — банковская и хлебная — располагались в тыльной стороне бульварного особняка, по адресу Воронцовский переулок, № 5 (другая их контора помещалась на Ришельевской, № 4). Сотрудниками фирмы состояли лучшие специалисты в этой области — Ю.Н. Брук, Я.М. Ландау, Я. Эштерлин, Л.Б. Файнлейб, А.Т. Фридман (доверенные лица), Я.Н. Наливайский (бухгалтер). Все эти годы фирма официально продолжала носить имя своего основателя — Моисея Ашкенази.

Вот краткий перечень регалий З.Е. Ашкенази накануне первой мировой войны: хозяин банкирского дома, выборный купеческого сословия, член Комитета торговли и мануфактур, член Биржевого комитета, товарищ (заместитель) председателя Арбитражной комиссии Биржевого комитета, член Особого городского раскладочного присутствия, председатель Одесского ремесленного и мелкого ссудно-сберегательного товарищества, директор Комитета попечительства о тюрьмах, член Общества исправительных приютов, член Общества по борьбе с туберкулезом, член Одесского отделения Императорского русского музыкального общества. Как домовладельцу Зигфриду Евгеньевичу Ашкенази принадлежали и три дома на Княжеской улице — №№ 6, 8 и 10.

В Государственном архиве Одесской области хранится протокол об учреждении торговыми домами "М. Ашкенази" и "Джекобс, Овен и К" акционерного общества "Русское общество юго-восточного пароходства "Звезда" (ГАОО, фонд 246, опись 1, дело 1, лист 1). Основной капитал определен в один миллион рублей, при этом 2/3 его вносится торговым домом "М. Ашкенази"; соответствующим образом распределяется и при-

быль. Выпущены акции на предъявителя; устав предусматривает возможность неограниченного увеличения основного капитала. Учреждение нового частного пароходства определялось настоятельной необходимостью вывозить сельхозпродукцию собственными техническими средствами в условиях все более возрастающих ставок на фрахт.

Любопытно, что и сам барон Ротшильд навещал своих одесских родственников в сентябре 1888 года. 43-летний Эдмонд Ротшильд с супругой останавливались в фешенебельной "Лондонской" гостинице, то есть в непосредственной близости от особняка Ашкенази. Как сообщала пресса, они занимали роскошные апартаменты, выплачивая 100 рублей в сутки. При них находилась прислуга в составе шести особ, доставившая с собой солидный запас консервированных продуктов. О бароне писали, что "сам он не импозантен, невысок, сутул, голос у него глуховатый" и что Ротшильд вообще "производит впечатление чем-то пришибленного человека".

Супругов немедленно атаковала несметная толпа просителей, от которой невозможно было отбиться. Естественно, новый крез тут же "пожертвовал две тысячи рублей на бедных евреев г. Одессы и тысячу рублей в пользу местной большой синагоги". Сколько денег он раздал в ходе личных контактов, исчислению не поддается.

Когда чета покидала гостиницу и направлялась на крымский пароход, ее провожала более чем иронически настроенная толпа зевак. Благотетеля громко обсуждали, корчили рожи и откровенно насмеялись. Репортеры отметили, что госпожа Ротшильд от досады закусил губу, а семенящий рядом "близорукий анемичный блондин в серой пиджачной мешком сидящей паре от страха даже не кивнул никому головой". Сгорбленный, подерживаемый женой, уселся он в крытую карету. Одесса бывала всякой...

По сравнению со своими богатыми родственниками Ашкенази потратили в разное время на земляков-одесситов несравненно большие суммы. Здесь вполне достаточно упомянуть о беспрецедентной благотворительной деятельности, я бы сказал, о подвижничестве Луизы Гесселевны Ашкенази, урожденной Розенберг. Она постоянно обитала в доме на Николаевском бульваре, № 3, который на долгие годы сделался подлинным штабом движения милосердия. Как о патронессе городской Еврейской больницы о Л.Г. Ашкенази я как-нибудь расскажу отдельно — в контексте истории этой больницы.

Все это свидетельствует о многом, и в частности о том, какие лица посещали дом на Николаевском бульваре, № 3, уже в другую эпоху — в последние десятилетия XIX и первые "пятителетия" XX столетия. Сюда

приходил весь цвет не только коммерческой, но и интеллектуальной части гражданского общества: известнейшие общественные деятели, ученые, инженеры, архитекторы, юристы, врачи, преподаватели, музыканты, художники, скульпторы, литераторы, актеры, издатели, журналисты. В это время отчасти изменился и внешний облик многих бульварных палаццо: ряд из них был кардинально перестроен, другие надстраивались этажом и проч. В этих особняках помещались различные государственные и муниципальные "присутствия", банкирские и хлебные конторы, отделения отечественных и зарубежных фирм, пароходств, иностранные консульства и др.

В числе прочих в конце позапрошлого века был перестроен и дом № 3, принадлежавший семейству Ашкенази. Впрочем, здание было не столько даже перестроено, сколько восстановлено в первоначальном виде известным архитектором немецкого происхождения Вильгельмом Кабиольским. Мастер использовал стиливые приемы и формы необарокко, модернизированного ампира и неоампира. Был он к тому времени достаточно известен, отменно себя зарекомендовал. Довольно назвать построенный им в 1893-1894 годах особняк крупного финансиста А.Я. Поммера (он, кстати говоря, был деловым партнером Ашкенази) на Сабанеевом мосту, № 3. В.М. Кабиольский реконструировал здание Земского банка на улице Садовой, соорудил контору РОПИТ на Дерибасовской, два больших доходных дома Ждановой на Екатерининской площади, гимназию Видинской на углу улиц Новосельского и Конной, целый ряд солидных зданий в историческом центре. Архитектор с огромным пиететом отнесся к оригиналу Джованни Фраполли, и здание словно бы вернулось к своему почти античному первообразу.

В советское время судьба "нашего дома", как и многих других бульварных особняков, сложилась не слишком благоприятно, хотя, будучи "парадным входом Одессы", они пострадали и постарели гораздо меньше остального ретроспективного жилого фонда. Дома эти, как правило, расчленялись на коммунальные квартиры либо передавались партийным и советским учреждениям, подвергались многочисленным уродливым внутренним перепланировкам и перелицовкам. Не стал исключением и дом № 3, приспособленный под коммунальное многоквартирное жилье. Более или менее серьезный интерес к этому историко-архитектурному комплексу, как и к некоторым другим памятникам истории и градостроительства, проявился лишь много десятилетий спустя, во второй половине 1970-х — начале 1980-х годов, в связи с их катастрофическим обветша-

нием. Тогда-то, в частности, и были составлены отдельные справки по мемориальным сооружениям.

Вот информация, подготовленная историком градостроительства Одессы, киевлянином В.И. Тимофеенко в 1985 году по дому на Приморском бульваре, № 3.

"Строение в семь оконных осей, как и соседние дома, занимает удлинённый прямоугольный участок, который по коротким сторонам застроен жилыми корпусами, а по длинным — флигелями. Бывший особняк Марини — характерный пример стиля ампир. Возведен из камня-ракушечника.

Планировка помещений основного двухэтажного корпуса — анфиладная, с парадными залами со стороны бульвара. Комнаты, обращенные окнами во двор, имеют выходы на деревянную галерею, к которой примыкают дворовые флигеля.

Главный фасад отличается сдержанностью и в то же время отточенностью ордерных форм. Стены первого этажа прочерчены горизонтальными линиями дощатого руста, наличники прямоугольных окон и входной двери оригинально пересечены рустами. Над крыльцом — металлический навес, опирающийся на кронштейн. Центральная ось подчеркнута балконом с узорными металлическими ограждениями. Парадный характер помещений второго этажа выявлен более нарядной архитектурой. Простенки здесь оформлены пилястрами коринфского ордера, окна — строгими наличниками на подоконных филёнках. Между проемами и венчающим антаблементом — небольшие лепные панно.

Со строгостью фасада контрастирует богатое убранство интерьеров. На одной оси расположены вестибюль, шлюз и лестничная клетка. Стены вестибюля украшены пилястрами и фризом, а потолок — розеткой. Отсюда двери ведут в шлюз, трехмаршевая мраморная лестница пышно оформлена. Цокольная часть стены рустована, верхний ярус обработан ордерными формами с зеркалом, потолок — касетирован.

Своей четкой фронтальной композицией, размерами этажей и количеством проемов здание идентично домам №№ 2 и 4 на Приморском бульваре и гармонично вписывается в общий градостроительный ансамбль".

Резюмируя изложенное, можно утверждать, что "наш дом" — один из самых значимых памятников истории градостроительства Одессы и одновременно — выдающееся мемориальное место по насыщенности выдающихся персоналий. Пора бы повторить подвиг В.М. Кабиольского по воссозданию дома Марини, ведь со времени той реконструкции прошло уже более ста лет.

17 мемуаров о войне

Мемуар № 1

Начало службы в запасном полку

В декабре 1942 г. я прибыл в г. Пугачев Саратовской области в 72 запасной стрелковый полк с новобранцами из Туркмении, куда я был эвакуирован с матерью из осажденной Одессы. Разместили нас по 100-150 человек в землянках, т. е. по ротам.

Вечером приказали всем раздеться догола и сдать все вещи, кроме одеяла, на дезинфекцию. Эта дезинфекция продолжалась очень долго, так что к тому времени, когда ночью привезли вещи, я спал глубоким сном, завернувшись в одеяло. Когда меня разбудили, я нашел в остатках неразобранных вещей все мое, кроме брюк. Видимо, кто-то из моих боевых друзей-туркмен (я был единственный европеец в этой роте) поддел их под свои брюки для утепления, так как мороз стоял крепкий, а землянка практически не отапливалась. Из начальства ночью был только ротный писарь, к которому я и обратился со своей бедой. Он сказал, что утром придет командир роты, которому и следует доложить о краже брюк, что я и сделал. Командир роты громко и доходчиво разъяснил мне, что запасных штанов для разгильдяев из числа новоявленных доблестных защитников родины у него нет, и пока роту обмундируют, мне придется обходиться подручными средствами с использованием солдатской смекалки. К этому он добавил, что если у меня возникнут проблемы, связанные с отсутствием туалетной бумаги в солдатском отхожем месте, то к нему лучше не обращаться, т. к. он недавно из госпиталя после контузии и за себя не отвечает.

Моей смекалки хватило на то, что я обмотал одеяло вокруг бедер на манер шотландской юбочки. Без штанов я чувствовал себя довольно некомфортно, но сумел извлечь из этого некоторую пользу. Утром, когда роту поднимали на зарядку (пробежать несколько километров по морозу), я продолжал спать, т. к. какая может быть зарядка без штанов?

Кажется, никто в роте не ждал с таким нетерпением, как я, когда же нас обмундируют. А ждать пришлось 7 суток, т. к. в моем эшелоне призывников, прибывших из Туркмении, было 2 случая заболевания сыпным